

Б И Б Л И О Т Е К А

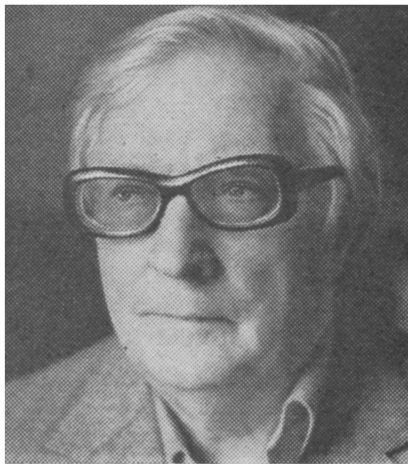
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 3

1982

Лев ОШАНИН

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 3

Лев ОШАНИН

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982

Лев ОШАНИН

Лев Иванович Ошанин родился 30 мая 1912 года в городе Рыбинске Ярославской области.

Выпустил более пятидесяти книг стихов, песен, поэм, пьес, очерков, литературоведческих раздумий. Первый сборник стихов «Всегда в пути» («Молодая гвардия», 1948 год), последнее издание: Собрание сочинений в трех томах («Молодая гвардия», 1980—1981). В собрание сочинений входят два романа в балладах — «Вода бессмертья» и «Талисман Авиценны». Песни: «Дороги», Гимн демократической молодежи, «Течет Волга», Песня о тревожной молодости, Песня любви, цикл песен «А у нас во дворе», «Бирюсинка», «Талая вода» и многие другие.

Л. И. Ошанин — профессор Литинститута имени М. Горького, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный работник культуры Узбекистана, почетный гражданин г. Кировска Мурманской области.

В настоящее издание включены избранные лирические стихи поэта.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Вот опять мы живем в високосном году,
И соседка ворчит на сноху, на погоду...
Камни в печени, лифт задурил на ходу —
Все в вину, все в укор високосному году.
В мае холод упал или дождь в декабре,
Умер друг — и опять виноват високосный.
Но на каждом закате, на каждой заре
Люди падают навзничь, как пальмы, как сосны.
Просто больше закатов и зорь. И огней.
Просто на день, так, значит, на век он длинней —
То веселый и добрый, то злой и несносный.

А вот я родился в високосном году,
В високосном году обожжен был любовью.
И от Волги, от звездных аллей Подмосковья
Сквозь Хибинскую тундру по жизни иду.

Он тревожен, мой праздничный май, как всегда.
Как всегда, ходит радость, а рядом беда.
Войны чаще случались в другие года, —
Может быть, не во всем виноват високосный.

Всякий волен любовь отдавать январю
И не верить апрелю, причуде в угоду.
Как хотите, а я свою дружбу дарю
Високосному остроугольному году.

* * *

Принимая мир от стариков,
Нам дающих мудрые уроки,
Авторы сегодняшних стихов,
Мы теперь невольные пророки.

Так же, как за все дела твои,
Родина, за мир на белом свете,
Мы за все несчастные любви
Перед человечеством в ответе.

* * *

От избранницы веет твоей
Холодком из-под черных бровей.
Милый друг, не грусти, не робей,
Эти руки согрей ты руками,
Эти губы губами согрей, —
А глаза отогреются сами!

* * *

В синих горах, где бродим мы,
Слушая горную тишь,
Лучшая девушка Родины,
Ты на меня глядишь.
Чем же ты лучше? Песнями,
Косами, говорком?
Может быть, тем, что вместе мы
Думаем и живем?
Может быть, тем, что острую
Радость не позабыл?
Может быть, тем, что просто вот
Взял да и полюбил!..

* * *

На незабываемом закате
С веткой слив, летящей в полутьму,
Были все слова мои некстати,
Все мои улыбки ни к чему.

Словно и не скрылась четверть века...
Вновь над горем посмеясь моим,
Ты уходишь с этим человеком,
Некрасивым и немолодым.

* * *

— Дай мне руку, девочка. Не бойся...
Вместе будет веселей в пути.
Зябко? На пиджак тебе, укройся, —
Не сидеть же вечно взаперти!

— Девочка, куда тебя он тянет?
Он тебе почти что незнаком!
Коль не хочешь ноженьки поранить —
Не ходи по стеклам босиком.

* * *

В перрон упирается стеклами скорый.
И в сердце, в котором последний твой витязь
Оставил следы табака и ликера,
Я влез, как жиган, и сказал: «Потеснитесь».
А может, не в сердце, а может, случайно
В аллею Сокольников в звездном молчанье.
Как часть тишины и удобной скамейки?..
Но что же, мне больше не надо, не смею!
К светящимся окнам, к рукам покоренным
Ты снова пройдешь, прошуршишь по перрону.
Я пробегу по платформам запасным.
Я крикну вдогонку кленовое имя...
«Прощай, дорогая, спасибо за ласку.
Ну что же, я буду встречаться с другими...»
Но снова в тиши вечеров двухголосых
Плывут твои легкие, легкие косы.
Морские глаза непонятного цвета...
Какой теплотой эти плечи согреты?
Я счастье свое никогда не ковал.
Но этой серебряной ночью
Я всю тебя бы зацеловал —
Ресницу каждую поодиночке.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — НАЙДИ

В этот вечер в танце карнавала
Я руки твоей коснулся вдруг.
И внезапно искра пробежала
В пальцах наших встретившихся рук.

Где потом мы были, я не знаю,
Только губы помню в тишине,
Только те слова, что, убегая,
На прощанье ты шепнула мне:

Если любишь — найди,
Если хочешь — приди,
Этот день не пройдет без следа.
Если ж нету любви,
Ты меня не зови,
Все равно не найдешь никогда.

И ночами снятся мне не даром
Холодок оставленной скамьи.
Тронутые ласковым загаром
Руки обнаженные твои.
Неужели не вернется снова
Этой летней ночи забытье,
Тихий шепот голоса родного,
Легкое дыхание твое:

Если любишь — найди,
Если хочешь — приди,
Этот день не пройдет без следа.
Если ж нету любви,
Ты меня не зови,
Все равно не найдешь никогда.

* * *

Я смотрел сегодня пьесу старую,
Ту, где ты живешь в чужом краю,
Ту, где дон Антонио с гитарой
Соблазняет сверстницу твою.
Юная, лучистая, открытая,
Бесконечно милая душа,
Этой чернобровой сеньоритою
Ты почти как в жизни хороша.
Очень часто в пьесах получается —
И не только в тот далекий век, —
Будто все желания кончаются,
Если замуж вышел человек.

А пока твой голос околдовывал,
Так хотелось пьесу оборвать,
Все, что мной еще недоцеловано,
Прямо здесь, при всех доцеловать.
И, смирясь с такой неожиданной участью,
Я клянусь, что не ушел бы зал!
Но а нам-то что, пускай поучатся.
Как бы твой Фернандо взревновал...
Только зря он шпагою размахивал,
Все равно не смог он угадать,
Что совсем другой его монахиню
На морозе будет целовать.
Ночь звенит трамвайными вагонами.
Руки мне навстречу протяни!
Снег летит над улицами сонными...
В этом мире мы с тобой одни.

* * *

Ты вся еще на той неделе,
Когда цвели кругом леса,
Когда в глаза твои глядели
Чужие серые глаза.
Тебя приворожила сила
Их неподдельного огня.
Ты в сердце их почти впустила,
Но оглянулась на меня.
Я вечный путник, вечный нищий,
А он живет не наугад.
Какая ты? Чего ты ищешь?
Я не позвал тебя назад.
Уйдешь — уйди.
Леса шумели.
Я ждал, темнея в тишине.
Ты вся еще на той неделе,
Но ты уже летишь ко мне.

* * *

Давай уедем в дальние края,
За две реки, на медленных паромах.
Оглянемся — и только ты, да я,
Да несколько деревьев незнакомых.

Как будто снова встретившись, начнем
Краснеть, молчать, не в силах скрыть волненья.
И, все смешав, не помня ни о чем,
В лесной глуши, в кустарнике ночном
Встречать рассвета медленные тени.
И в час, когда совсем тиха листва,—
Простое счастье дней полузабытых!—
Знать выраженье глаз твоих закрытых,
Несказанные угадать слова.

А хочешь, не поедem никуда:
За мелким горем радости не пряча,
Ты просто улыбнешься мне иначе,
И станет все, как прежде, как тогда.

* * *

Есть Терской и Кунгей —
два хребта в Ала-Тоо, в Тянь-Шане.
Друг на друга глядят,
хороня свои думы в тумане.
То степенно шагнут они,
каждый в долину иную,
То в Боомском ущелье
сойдутся почти что вплотную.
В пестром солнце один,
а второй — затененный — под снегом...
...Милый друг мой! Я понял
под солнцем киргизского неба:
Мы с тобой, как Терской и Кунгей,
от волненья немеem,
Друг на друга глядим,
а сойтись никогда не сумеem.

* * *

Год за годом несутся вдгонку,
Поколения спутав подчас.
Заглянула мне в душу девчонка
Жадным взором проснувшихся глаз.
Горяча, озорна, лучезарна —
И мечта, и любовь, и беда...
Улыбнулся я ей благодарно.

И прошел. И забыл навсегда.
Не боюсь ни ошибки, ни сплетни,
Ни жестокой девятой волны,
Но глаза восемнадцатилетних
Не имеют еще глубины.

В СТАРОМ ЛУВРЕ

В старом Лувре мы пришли к богиням,
Не навек — мы скоро их покинем.
Распростимся с Никой запыленной,
С Джиокондой под броней зеленой.
А они останутся, как были,
Будут думать, что мы их забыли.
Черта с два! Пощады не давая,
Ночью, где-нибудь на Енисее,
Вдруг она настигнет, как живая,
Хищною усмешкою своею.

В СТРАТФОРДЕ

Тебе в доме Шекспира было славно.
Ты оглядел камин и стул хромой.
Сорвал в саду листок живого лавра,
Погрыз листок шекспировского лавра
И зашагал — таким, как был, — домой.

* * *

Крот — слепой, и солнца ему не надо,
Ему темнота не сулит беды.
Навек избрав тишину и прохладу,
В земле он вычерчивает ходы.
Но если солнце погаснет — и крот,
Сам не поняв почему, умрет.

* * *

Расскажите мне, тоненькая бортпроводница,
Что заставило с небом вас породниться?
Это так нелегко — в вечном шуме моторов.

Это так далеко от того, кто вам дорог.
Вам не страшно?
Она говорит бесшабашно:
— Ну и что ж из того! Я люблю, когда страшно.

* * *

В огне войны иль в мирной тишине,
Среди друзей, чья дружба нерушима,
Мы все равно, как с ласками любимой,
Со смертью встретимся наедине.
Но если ждать, когда, с какого края
Тебе столкнуться с нею суждено,—
Нельзя ни есть, ни спать, ни пить вино...
Нет, лучше жить, опасность презирая!
И, вдруг упав на снег или в траву,
Слабея, задыхаясь, умирая,
Шептать упрямо:

— Я еще живу.

* * *

Мокрый мой, июньский мой лесок...
Солнце подбоченясь, смотрит сбоку,—
Надоело в тучах лежебоку...
Тени падают наискосок.
Проводив дождливый, хмурый полдень,
Запахами добрыми наполнен
Мокрый мой, июньский мой лесок!

ДВЕ БЕРЕЗЫ

Две березы — два сильных ствола
Перепутали свои корни.
А чтоб было листве просторней,
Жизнь вершины их развела.

И стоят они, ветви раскинув.
И, усталый от суетни,
Я одной доверяю спину,
На другую ставлю ступни.

Расставаясь с собственным весом,
Потихоньку сливаюсь с лесом.
А березы мне тянут листья,
Шебуршат в лесном полусне,
Полузвуки и полумысли
Доверительно шепчут мне.

Независимы, неугасимы,
Тихо ветками шевеля,
Мне они возвращают силы,
Как, бывало, Антею — земля.

* * *

Невзначай она волосы распушила.
Он следил из-под серых бровей.
Он спросил: «Ты куда?»

А она заспешила...
...Это было начало осенних дождей.

* * *

Нет, внешне ты совсем не хороша.
Но привлекла меня к тебе не жалость, —
Испуганной и щедрой показалась,
Окликнула меня твоя душа.
Когда же я в ответ попытку сделал
Поглубже в эту душу заглянуть,
Меня глухая охватила жуть, —
Насколько у тебя прекрасней тело.

СПУСТЯ ТРИ ГОДА

Вот снова этот двор,
Мой добрый старый дом.
Я с тех счастливых пор
Три года не был в нем.
На милом этаже
Квадратики огня,
Теперь они уже
Горят не для меня.

Здесь все иное вдруг —
И дождь иной и снег,
Другой пластинки звук,
Другой девчонки смех...
Стучат давным-давно
Иные каблучки.
И лишь за домино
Все те же старики.

Вот переулок мой,
А нет ответных глаз.
Вернулся я домой,
А ты не дождалась.
У этих вот ворот
Шаги твои стерег...
Где он теперь мелькнет,
Твой тонкий свитерок?

* * *

«Когда к тебе я тронусь в дальний путь,
Что взять с собой?» — она в письме спросила.
— Свой голос захвати, свой запах милый
Улыбки доброй дома не забудь.

* * *

Вновь залаяла собака,
Я смотрю через кусты,—
Но беззвучно-одинаков
Мир зеленой темноты.
Дрогнет лист, да ветер дунет...
Как часы остановить?
Ты сказала накануне,
Что приедешь, может быть.
Возвращаюсь в мир тесовый,
Длинен вечер в сентябре.
Только сяду — лает снова
Та собака на дворе.
Ведь не злая же, однако
Все мудрует надо мной!
...Просто глупая собака,
Просто скучно ей одной.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Ты не прячь под слепыми духами
Запах тела, что горек и чист —
Ярче всяких цветов вечерами
Пахнет клейкий березовый лист.

Пусть будет больно, чтобы не забыла,
Чтоб, засыпая, знала — было, было...
Чтоб просыпалась, а тебя знобило.
Чтоб проклинала, плакала, любила
И чтобы вновь ждала, ждала, ждала...

Я не мог дотронуться без дрожи
До руки, до смугловатой кожи.
Где же эти чудеса твои?
Палец я беру, он просто палец, —
Словно вдруг чего-то испугались,
Словно вдруг куда-то разбежались
Маленькие чертики любви.

Сердце твое человечье
На поиск обречено —
Даже полено в печке
Не будет гореть одно.

Я ждал тебя. Останься. Будь добра.
Пожалуй, ты из моего ребра.

Ты вчера была чуть-чуть чужая,
Все мои слова опережая,
Все мои желанья остужая,
Словно бы в небрежном полусне.
Ты вчера была чуть-чуть чужая,
Или это показалось мне?

Срываясь в яростную тьму
Припасть к дыханию твоему...

И пусть, свободных до конца —
Глаза в глаза, ладонь в ладонь, —
Опять швыряют нас сердца
Друг другу в ноги, как в огонь.

Я сегодня прощаюсь с любовью.
Вот сейчас я тебя провожу,
Ворочусь и к себе в изголовье
Одиночество положу.
Завтра снова приду по привычке
В мир, где рельсы, огни, провода.
Подожду тебя две электрички
И тогда уж уйду навсегда.

ТАЛАЯ ВОДА

Словно тысячи весен назад,
Птицы с юга на север летят.
Не хотят задержаться нигде,
А торопятся к талой воде.

Талая вода,
Шалая вода,
Все с тобою связано — радость и беда.
Шалая вода,
Талая вода, —
От меня вчерашнего больше нет следа...

У весенней бездомной воды
Белой птицей явилась мне ты.
В душу бросила взгляд голубой,
Словно вымытый талой водой.

Будут весны звенеть. Только мне
Возвращаться все к той же весне.
И в удаче спешить и в беде
К милой Родине, к талой воде.

Талая вода,
Шалая вода,
Все с тобою связано — радость и беда.
Шалая вода,
Талая вода, —
Словно птица белая, в сердце навсегда.

ПОПРОБУИ ОТЫСКАТЬ ПРИЧИНУ

* * *

Попробуй отыскать причину
Того, что дом сгорел дотла.
Попробуй вычеркнуть морщину,
Когда она уже легла.

Кто эта женщина у окна?
Кому-то, войдя, пожимаю руки я,
А глаза мои близорукие
Упрямо притягивает она.
Мы с женою живем чуть не десять лет —
Ссоры, обязанности, привычки.
Давно изношены те черевички,
Что в сердце моем оставляли след.
Кто эта женщина у окна?
Стараюсь я обойти кого-то.
Ее улыбка вполоборота
Не ко мне ли обращена?
Как на портрете, в раме оконной,
Против света, потупя взгляд,
Стоит она тихо.

Бьюсь об заклад —
С этой женщиной мы знакомы.
Пока гулял по белому свету,
Таскал за собой я улыбку эту.
Руки забыв на спинке стула,
Она, храня свою нежную власть,
Цвет живой волосам вернула,
Позволила на плечи им упасть.
Кто эта женщина у окна...
Вы незнакомы?
Моя жена.

Как мне быть, если каждую полуулыбку твою,
Что была не ко мне, что светилась вдали,
Даже мысль, просто мысль я тотчас узнаю,
Как радар сквозь туман узнает корабли.
Как мне быть, если чувства непрошено стынут,
В миг, когда безразборно улыбки твои
По кусочку откусывают от любви,
Словно дольки от апельсина.

Любовь, надежда, страх —
Ничто не вечно в мире.
Две чаши на весах?
Нет, три, а то четыре!
Так с юности пошло,
Когда в снегах не жалость,
Не слабость, а тепло
Души моей рождалось.
Луны озябший свет,
Сухой песок и вереск...
В любовь, которой нет,
Все продолжаешь верить.
А твой обжитый дом,
Он так, казалось, прочен —
Ни молния, ни гром
Не били этой ночью.
Нет, просто от угла,
Где прижилась картина,
Тихонько поползла
По стенам паутина.
И вот уже, смотри —
Дожди слепые кружат.
Все серое внутри,
Все серое снаружи.
Качаются весы.
Их перепады круты.
Что тяжелей — часы?
Века? Или минуты?
Но, видно, мне пора,
Ломая дни и ночи,
В зеленые ветра
Дорожных одиночеств.

Здесь, где сливаются Тигр и Евфрат,
Стояло библейское древнее древо,
А вокруг был тот самый райский сад,
В котором грешили Адам и Ева.
Я стою на просторе глухом,
Пронизанном тихим светом.
Грех давно перестал быть грехом,
Утвержденный богом и горсоветом.
Библейское древо осыпало цвет, —
Вот лежит рогатиной дрябленькой.
А из семечка выклюнулась на свет
И расправила крылья новая яблоня.
Сколько лет ей — пять тысяч или пятьсот?
К солнцу листья тянет она упрямо
И яблоки мне навстречу несет.
В них боль Адама, беда Адама.
В них Евина розовая красота,
И тихая сладость ее напева,
И мелкая хитрость ее, и та
Тайная подлость, что ведала Ева.
Говорят, если яблоко это сорвешь,
Всю жизнь свою привычную руша —
Хочешь не хочешь, — а вдруг поймешь
До самого донышка женскую душу.
Я сорвал это яблоко. Небрит и колюч,
Кручу его в пальцах, святое растение.
Вот он, мой неподкупный ключ
Ото всех твоих выходов и ухищрений.
Откусил... Но то ли был плод этот мал,
То ли зрелости не подождал я до мая, —
Если раньше хоть что-нибудь понимал,
Теперь ничего в тебе не понимаю.

Египтянка с календаря,
Помеченного январем,
Пятый день молчит, на меня смотря.
Мы в гостинице с ней вдвоем.
Она молчит, и я молчу.
Мне ее подарил наш кувейтский посол.
Она все несет и несет свечу
И никак не поставит на стол.

А в Багдаде дождь. А в Багдаде тьма.
Три часа еще до зари.
Лишь идут, не заглядывая в дома,
Через реку Тигр фонари.

А ты от меня на тысячу верст...
Рубашка сползла с плеча.
На ковре золотится примятый ворс,
И в руке у тебя свеча.

А я люблю тебя ничью.
А я веду тебя к ручью,
Швыряю в белую струю.
Опять мою, почти мою,
Не веря близости беды,
Дождю и ветру отдаю,
Чтоб смыть с тебя его следы.

Забытым, нашим, тем путем
Веду в сосновый лес, как в дом.
Там у костра в сухом дыму
Забудусь я и вдруг пойму:
Ни дождь, ни чистый звон ручья —
Все ни к чему. Ты не моя.
Ты не моя. Ступай к нему.

Она такая же совсем,
Как в годы первых встреч.
И так же ласкова ко всем
Ее улыбок речь.
И, словно бы любовь жива
И станет жить вперед,
Былые говорит слова
Ее привычный рот.
Но смысл, что был в них заключен,
Склевало воронье.
Но свет от сердца отключен.
И каждый взгляд — вранье.

Не до болей, не до обид.
Душа моя пуста.
Чужая женщина стоит.
Похожа. Да не та.

Ты зажигала свечи,
Шептала слова человечьи,
Радуя и любя.
Но свечи твои потухли.
И только ночные туфли
Остались мне от тебя.

Спасибо тебе, что тебя я придумал
Под вьюги неласковых зим,
Что несколько лет среди звона и шума
Счастливым я был и слепым.
Воздушные замки построить несложно,
Но след их не сыщешь в золе.
Как жаль, что недолго и неосторожно
Стояли они на земле.
Спасибо тебе, что я строил их звонко
Из песен, цветов и тепла.

Я выдумал девочку в шарфике тонком —
И, значит, такая была.

ЗАЧЕМ МЕНЯ ОКЛИКНУЛ ТЫ?

(Из кинофильма «Жили-были старик со старухой»)

Зачем меня окликнул ты
В толпе бесчисленной людской?
Зачем цвели обман-цветы,
Зачем закат горел такой?

Сквозь теплый дождь, сквозь добрый снег
Зачем глядел в мои глаза?
Зачем, зачем ты лучше всех?
Зачем забыть тебя нельзя?
Ни разлюбить, ни позабыть,
Ни заменить тебя нельзя...

Зачем пришел средь бела дня?
Зачем ушел в скупой рассвет?
Ни у тебя, ни у меня,
Ни у людей ответа нет.

Только, серых судей гоня,
Человечий лесной детеныш
Спас Акелу пучком огня.
А в поэзии нет спасенья
От оскаленных волчьих морд —
Не поймал своего оленя,
Значит, ты изначала мертв.
Отбиваясь от слов пустячных,
Слыша будничные птичий свист,
Понимаешь, как это страшно:
Черный «шарик» и белый лист.
В напряженье твоём высоком,
Сам себе всевышний судья,
Обречен ты под бьющим током
Каждый миг подтверждать себя.
Нет покоя и нет предела —
В сердце вечный открытый счет.
Прوماхнешься, как тот Акела,—
Добрый Маугли не спасет.
Старость к нам подступает скрытно,
Кости легкие солоня.
Старость — это потеря ритма,
Цвета, запахов и огня.
А олень быстрокрыл и вечен,
Он летит сквозь века и Русь.
Дорогая, еще не вечер,
Понимаешь, еще не вечер,—
Не тревожься, не промахнись.

ЖЕЛТОГЛАЗАЯ НОЧЬ

Наконец-то мы вместе, и вечер обрадован,
И тоска расплелась, и печали — на слом.
Желтоглазая ночь, ты за мной не подглядывай,
Обними и укрой нас мохнатым крылом.

Желтоглазая ночь, свою милость яви.
Желтоглазая ночь, ты царица любви.
Ты должна нас понять, ты должна нам помочь,—
Как мы ждали тебя, желтоглазая ночь...

Мы искали друг друга на улицах города,
В переулках ошибок блуждали не раз.
Мы искали любовь в недомолвках и шорохах,
И мы ждали твоих заколдованных глаз.

Как теперь нам расстаться — мы сердцем опознаны.
В наше прошлое больше не сыщешь следа.
Все решится сейчас под безмолвными звездами.
Если ж нет — не решится уже никогда.

Желтоглазая ночь, свою милость яви.
Желтоглазая ночь, ты царица любви.
Ты должна нас понять, ты должна нам помочь,—
Как мы ждали тебя, желтоглазая ночь...

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Как нам было весело и сладко —
Скрыться, слиться... Пусть потом пропасть!
Только догорела без остатка,
Словно нефть в земле, иссякла страсть.
Все как будто мягко, неослушно,
Только вечер серый и пустой —
Плоть твоя добра, но равнодушна.
Что мне делать с мертвой красотой?
Хочешь снова встретиться, остаться,
Калачом свернуться возле ног...
Милая, но это святотатство.
Ухожу, угрюм и одинок.

Сердце мое свободно,
Нет у меня жены.
Жадные мои руки
Яростны и нежны.
Соври, что ты меня любишь,
И в одинокой судьбе
Может быть ненадолго
Я поверю тебе.
А может быть, дрожью в теле
Душа твоя не соврет...
Господи, неужели
Есть женский правдивый рот?

Не потому ль, что я в ваш дом приехал
Ты вспыхиваешь вся?.. А я был глуп —
Я все с тобой вполголоса, вполсмеха,
В полпоцелуя осторожных губ.
Я к той, другой спешил. А ей не к спеху.
Не гонит, терпит, нравлюсь, да не люб.
Она со мной вполголоса, вполсмеха,
В полпоцелуя равнодушных губ.

Ты вся пугливая и скромная —
Не обними, не посмотри...
Но вот сопротивление сломлено
Под зов огня, что жжет внутри.
По-детски тоненькие пальчики
Танцуют на моей спине.
Все иступленной, все запальчивей
Твой рот спешит навстречу мне.
Была ты школьницей вчера еще,
Но жизнь берет свои права —
И ты, как лебедь умирающий,
Трепещешь, стонешь, чуть жива.
Потом в тебе смолкает женщина,
Все знающая наугад.
Ты вновь пуглива и застенчива.
Как час назад, как век назад.

Ну как с тобой нацеловаться...
Пусть не осудят небеса —
Войдешь, и нам не оторваться —
В дверях, забывшись, — полчаса.
Вот ночь уже идет на убыль.
Усталость сонная... А мы
Все губы в губы, губы в губы
Навстречу дню из полутьмы.

Я всю тебя знаю — ты вечная жажда,
Души моей боль и ее красота.
И каждым движеньем и помыслом каждым,
Могу перед богом сказать, ты чиста.
Без лжи и кокетства, оставшись со мною,
Забыв обо всем, что за шторой глухой,
Ты жадно берешь свое счастье земное,
Пока я захлебываюсь тобой.

Остаюсь без тебя. За светящийся круг
Проводил тебя в мир, где меня не бывает.
Не хватает теперь твоих маленьких рук.

Не хватает тебя. Как тебя не хватает!
Мне хватает тебя, — все тобою полно.
Вот в стакане твой смех,

он мне сладок и дорог.

Тень твоя невзначай улеглась на окно
И растаяла за шелохнувшейся шторой.
Все тобою полно — вот опять за плечом
Еле слышно твое ощущаю дыханье.
Может быть, это бред? Только бред ни при чем —
Плед хранит на диване твои очертанья.
Остаюсь без тебя. Умной лампы наклон
Освещает перу нерожденную строчку.
Так уходит от всех тяжко раненный слон,
Чтобы желтой пустыней бродить в одиночку.
Остаюсь без тебя. Сам себе вопреки
Остаюсь без тебя. Так, наверно, и надо.
Если б ты днем и ночью всегда была рядом,
Может, не было бы о тебе ни строки.

* * *

Ты возникнешь, как радуга из темноты.
Вскину легкие руки навстречу тебе я,
И гордясь, что ты здесь, и не веря, что ты,
И, как в юности, необъяснимо робея.
Друг пред другом с тобой мы ни в чем не в долгу.
Значит, снова неистовым будет и милым
Все, что я для тебя до тебя берегу,
Все, что ты для меня потаенно хранила.
Даже странно, что был до тебя я в плену,
Все пытаюсь любовь удержать, как синицу.
Не решаясь уйти, разорвав плену,
В мир, который звенит и сквозит и теснится.
Ты явилась сквозь строки баллад и поэм,
Опрокинув усталость, боязнь и ранимость.
Не обижу ничем, не унижу ничем.
Для меня ты — свобода и необходимость.
В поцелуях ненужные гаснут слова.
Завтра вновь расшвыряет нас круча земная.
Пусть ладони горят, пусть горит голова,
Пусть душа твоя не умолкает родная.

* * *

Твое лицо освещено любовью.
А кажется не знающим о ней,
Что это лег под тоненькие брови
Нарядный отблеск праздничных огней.
Погаснет праздник, смолкнет хор хвалебный,
А ты опять прекраснее зари,—
Ни блеск огней, ни солнца свет волшебный
Не заменяют света изнутри.

* * *

Рвешься, летишь по бездомным широтам,
Где там заклинят твой бег тормоза?!
Мог ли я знать, за каким поворотом
Передо мной распахнутся глаза?
Как это редко бывает, чтоб настужь,
Навзничь, наотмашь, без лжи никакой
Просто светились в них мука и счастье,
Просто смятенье и просто покой.
Рук обессиленных не отплела бы...
Но передышка в пути коротка.
Ты моя женщина, ты моя баба,
Значит, давай, собирай мужика.

* * *

Меня тревожит молодость твоя,
В ней все колеблется, играет, бродит.
То затихает ряской в тихом броде,
То вскидывает жало, как змея.
То знаю все, то ничего не знаю,
То малости какой-то не пойму.
Неведомая и уже родная,
О чем ты плачешь, прячась в полутьму?
Нас версты и столетья разлучали,
Мешая подступающему дню.
Весь мир твоих забот, твоих печалей
Я с удивленьем радостным делю.
И снова я с тобой тридцатилетний,
Годов с меня слетает чешуя.
И ты мудрей, ты старше, а не я.

И снова ночь мне кажется последней...
Немыслимо прикосновение рук
И каждый новый поцелуй острее.
О чем же вновь ты всхлипываешь вдруг?

* * *

Сквозь тысячи берез и кленов,
Дороги, ветры, голоса
Я узнаю по телефону
Твои мохнатые глаза.
Как далеки и тем жестоки
Твои пылающие щеки,
Твои лепечущие губы...
Они мне любы, любы, любы!

* * *

Взгляну в глаза твои русалочки,
Коснусь сияющих волос.
Зажгу сандаловые палочки,
Те, что из Индии привез.
Речь оборву на первой фразе я, —
Что сказано — уже мертво...
И встанут Африка и Азия
У изголовья твоего.

Я ВИЖУ ТЕБЯ

Я вижу тебя за дымкой тумана,
Сквозь серую сетку дождя.
Я вижу тебя неожиданно-незванно,
Повсюду я вижу тебя.

И сразу мир совсем не тот...
И сразу солнышко встает.
И сразу музыка и радуга
Рисуют цветы.
А я как во сне
Бегу по весне.
И сердце словно колокол,
И всюду ты.

Я вижу тебя, глаза поднимая
На утренней тихой заре.
Я вижу тебя в сиреновом мае
И в белом седом декабре.

Я вижу тебя и в поезде позднем,
И дома, и в дальнем краю.
Ненастной порой и ночью беззвездной
Повсюду тебя узнаю.

И сразу мир совсем не тот...
И сразу солнышко встает.
И сразу музыка и радуга
Рисуют цветы.
А я как во сне
Бегу по весне,
И сердце словно колокол,
И всюду ты.

* * *

Надела кофточку отвлеченную —
Под цвет коры березовой.
Он улыбнулся: — Здравствуй, девчоночка.—
А она в слезы.
От слез на кофточке темный след.
Какая девчоночка.. Тридцать лет!
Он берет ее руку узенькую. О чем ты?
Плачешь, всхлипываешь — конечно, девчонка.
Это просто усталость, может быть, недосып.
А жизнь утешит. Не надо хмуриться,—
Ведь даже самую старую курицу
Зовут: цып — цып — цып...

* * *

Невозможно поверить, что мы уже седы,
Что ничто не вернешь...

Вот опять, вот опять
Эта глупая птица из сада соседа
Третью ночь не дает мне ни думать, ни спать.
Сделай шаг — и безжалостной будет расплата.
Ну и пусть. Не гожусь я, чтобы чахнуть в раю.

Назначай мне,
ночной Мефистофель проклятый,
Час, когда ты потребуешь душу мою.

* * *

Смешно наивничать и молодиться —
Года не остановишь. Но года
По одному летят ко мне. Как птицы.
И снова тают в небе. Без следа.
Пусть где-нибудь в Багдаде иль в Бомбее
Собьет болезнь...

Но тридцать лет назад
Болел я чаще, был куда слабее.
А седина к лицу, как говорят.
И снова сердцу не найти покоя —
Опять в пути встречаю я рассвет.
И снова снится что-нибудь такое,
Что допекало в восемнадцать лет.

* * *

Если б мне предложили выбрать
Век и родину, где родиться,
От Миссури до Нила и Тибра
Все народы и все столицы, —
Быть патрицием с римской кровью,
Быть египетским фараоном
Или рыцарем средневековья,
В голубую даму влюбленным, —
Это было бы интересно,
Если б, скажем, под вечер нынче
Познакомиться с Ахиллесом,
Посидеть с Леонардо да Винчи...
Но пока мы не знаем секрета
И бессмертье для нас не настало, —
Нам гулять по белому свету
Полагается очень мало.
Из меня бы Нерон не вышел.
Что мне рыцари и фараоны —
Даже Пушкина я не слышал
И не видел Наполеона.

Если б мне предложили выбрать
Век и родину, где родиться,
От Миссури до Нила и Тибра
Все народы и все столицы, —
Может быть, в Италии красивей,
Может быть, в Аргентине теплее, —
Только я бы выбрал Россию,
Ни о чем ином не жалея.
А в века заглянув другие,
Что героями так богаты,
Я б на всей земле и в России
Выбрал яростный век двадцатый.

Чьи бы силы нам ни грозили,
Как бы тяжело нам ни бывало, —
Будь бесстрашной, моя Россия —
Мира нового запевала.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Високосный год	3
«Принимаю мир от стариков...»	3
«От избранницы веет твоей...»	4
«В синих горах, где бродим мы...»	4
«На незабываемом закате...»	4
«Дай мне руку, девочка. Не бойся...»	5
«В перрон упирается стеклами скорый...»	5
Если любишь — найди	5
«Я смотрел сегодня пьесу старую...»	6
«Ты вся еще на той неделе...»	7
«Давай уедем в дальние края...»	7
«Есть Терской и Кунгей...»	8
«Год за годом несутся вдогонку...»	8
В старом Лувре	9
В Стратфорде	9
«Крот слепой, и солнца ему не надо...»	9
«Расскажите мне, тоненькая бортпроводница...»	9
«В огне войны иль в мирной тишине...»	10
«Мокрый мой, июньский мой лесок...»	10
Две березы	10
«Невзначай она волосы распустила...»	11
«Нет, внешне ты совсем не хороша...»	11
Спустя три года	11
«Когда к тебе я тронусь в дальний путь...»	12
«Вновь залаяла собака...»	12
Из записных книжек	13
Талая вода	14

ПОПРОБУИ ОТЫСКАТЬ ПРИЧИНУ

«Попробуй отыскать причину...»	15
«Кто эта женщина у окна?...»	15
«Как мне быть, если каждую полуулыбку твою...»	16
«Любовь, надежда, страх...»	16
«Здесь, где сливаются Тигр и Евфрат...»	17
«Египтянка с календаря...»	17
«А я люблю тебя ничью...»	18
«Она такая же совсем...»	18
«Ты зажигала свечи...»	19
«Спасибо тебе, что тебя я придумал...»	19
Зачем меня окликнул ты?	19
«Есть поэты, что зеленью ранней блеснут...»	20
Молодому поэту	20
«В сказке «Маугли» солнце село...»	20
Желтоглазая ночь	21

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Как нам было весело и сладко...»	23
«Сердце мое свободно...»	23
«Не потому ль, что я в ваш дом приехал...»	23
«Ты вся пугливая и скромная...»	24
«Ну как с тобой нацеловаться...»	24
«Я всю тебя знаю — ты вечная жажда...»	24
«Остаюсь без тебя. За светящийся круг...»	24
«Ты возникаешь, как радуга из темноты...»	25
«Твое лицо освещено любовью...»	26
«Рвешься, летишь по бездомным широтам...»	26
«Меня тревожит молодость твоя...»	26
«Сквозь тысячи берез и кленов...»	27
«Взгляну в глаза твои русалочки...»	27
Я вижу тебя	27
«Надела кофточку отвлеченную...»	28
«Невозможно поверить, что мы уже седы...»	28
«Смешно наивничать и молодиться...»	29
«Если б мне предложили выбрать...»	29

Лев Иванович ОШАНИН

Из лирики разных лет

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 27.11.81. Подписано к печати 18.02.82. А 00324.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40 Учетно-изд. л. 1,52.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 554. Зак. № 1684. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

● МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ СССР С РАЗРЕШЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ВЫПУСКАЕТ С 1 ЯНВАРЯ 1982 ГОДА ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА.

● Заем выпускается на срок с 1 января 1982 г. до 1 января 2002 г.

● Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами.

Заем выпускается отдельными разрядами, по 500 миллионов рублей в каждом разряде.

● Облигации займа выпускаются достоинством в 50 и 25 рублей. Облигация достоинством в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой облигации.

● По облигациям займа весь доход выплачивается в форме выигрышей. Общая сумма выигрышей установлена в среднем за двадцатилетний срок займа из расчета 3 процента в год. В течение двадцатилетнего срока займа выигрывает 32 процента всех облигаций, а остальные 68 процентов облигаций по истечении срока займа выкупаются по их нарицательной стоимости. Выигравшие облигации погашаются и исключаются из дальнейших тиражей выигрышей.

● Выигрыши по займу устанавливаются в размере 10 000, 5000, 2500, 1000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям достоинством в 25 рублей выплачивается половина выигрыша). Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 рублей — автомобиля другой марки классом ниже.

● В течение двадцатилетнего срока займа проводится 160 тиражей выигрышей — 8 тиражей ежегодно: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря.

● В тиражах выигрышей на каждый разряд займа разыгрывается 20 тысяч выигрышей на 2,6 млн. рублей.

● Продажа облигаций производится по ценам, устанавливаемым Министерством финансов СССР, а покупка — по нарицательной стоимости.

● Облигации Государственного внутреннего выигрышного займа и выигрыши по ним освобождаются от обложения государственными налогами.

ПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС СССР